

Этот довод вполне убедил Мо Яньханя. Шэнь Хуайцзюню суждено было умереть множеством различных способов, но избрать его мог лишь он один — умереть тот был обязан исключительно в его руках.

Взмахнув рукавом, Мо Яньхань сотворил из воздуха пиалу с тёплой водой, всыпал туда немного целебного порошка и лёгким касанием глиняного края задел тыльную сторону ладони Шэнь Хуайцзюня.

Шэнь Хуайцзюнь судорожно ловил воздух ртом, продрогший до самых костей, словно его швырнули в ледяную бездну. Ощувив незамысловатое тепло на коже, он устало сжал в пальцах пиалу и сделал осторожный глоток. Живительное тепло разлилось по меридианам, и лютая стужа мгновенно отступила наполовину.

Натянутое, точно тетива, тело немного расслабилось. Напрягшись, Шэнь Хуайцзюнь приподнялся, восстановил дыхание и, запрокинув голову, осушил пиалу до дна, окончательно изгнав пробирающий до костей холод.

— Кто ты?.. — тихо спросил Шэнь Хуайцзюнь.

Лишь теперь он понял, что лежит на мягком ложе, а кто-то заботливо подал ему воду. В угасающих воспоминаниях остался лишь берег, слёзы, застлавшие взор, и навалившаяся слабость, погрузившая его в небытие. Но сквозь пелену бессознательного теплилось ощущение, будто чьи-то сильные руки крепко прижали его к себе.

Зрение прояснилось. Подняв взгляд, он обнаружил, что находится в бамбуковой хижине. Неподалёку стоял юноша лет семнадцати-восемнадцати в чёрных одеждах. Черты его лица отличались редкой привлекательностью, однако на нём застыло выражение откровенной враждебности, будто перед ним находился не человек, а чудовищный демон.

Шэнь Хуайцзюнь тихо вздохнул, ничуть не виня юношу. Накануне из его собственных глаз шла кровь — зрелище, без сомнения, жуткое. Любой при виде такого усомнился бы в его человеческой природе, что уж говорить о простом смертном, не ведающем путей самосовершенствования?

— Не бойся, я не демоническое отродье, — мягко произнёс он.

Юнец упрямо сверкнул широко раскрытыми глазами и с возмущением огрызнулся:

— Кто ещё кого боится?!

С этими словами он бесцеремонно пододвинул стул и уселся на него с самым независимым видом.

Шэнь Хуайцзюнь тихо усмехнулся:

— И всё же благодарю, что принёс меня сюда. Иначе я наверняка замёрз бы насмерть у Пруда Уничтожения Бессмертных.

Мо Яньхань отвернулся, гордо задрал подбородок:

— Я просто гулял и случайно заметил тебя, полуживого, на берегу. Выглядел ты жалко, вот я и подобрать тебя решил, чтоб не окоченел. Делов-то. Я постоянно всякую бездомную живность подобрать норовлю — то кошек, то собак.

Шэнь Хуайцзюнь скользнул взглядом по скромному убранству хижины. С самого момента пробуждения он не слышал ни единого мяуканья или тьяканья.

Заметив этот недоверчивый осмотр, Мо Яньхань осёкся и, немного помедлив, буркнул:

— Они сожрали всё моё мясо и сбежали.

Шэнь Хуайцзюнь понимающе кивнул. Сожрать всё подчистую и задать дёру — со стороны зверья это и впрямь было не слишком великодушно. Неудивительно, что спаситель встретил его столь неприветливым колючим взглядом.

— Как бы там ни было, я премного благодарен. И за плащ тоже, — промолвил Шэнь Хуайцзюнь, обратив внимание на накинутое на него плотное одеяние, расшитое золотой нитью. Сквозь небытие он смутно помнил нечто тёплое, точно пылающий очаг, обволакивавшее его тело, и, как оказалось, это не было сном.

Ткань накидки отличалась искуснейшим шитьём и благородным блеском — вещь явно стоила несметных сокровищ.

Мо Яньхань мысленно хмыкнул: «И вовсе я тебе его не дарил, ты сам вьелся в него хваткой и не отдавал!»

Однако вслух требовать назад плащ из вороньих перьев он не стал.

Шэнь Хуайцзюнь выглядел предельно истощённым. Под сенью вороньих перьев его тонкие пальцы поглаживали поверхность пространственного нефрита. За спасение жизни следовало воздать сторицей, однако юноша держался как избалованный барчук, у которого наверняка водилось неисчислимое множество редких безделушек.

Все его сокровища и накопленные за годы артефакты остались запечатанными в чайном павильоне ордена Цинсяо. Сейчас у него при себе не имелось ничего поистине ценного.

Вдруг взгляд его зацепился за пустую баночку из-под засахаренных слив, стоявшую у изголовья. Сосуд был выполнен из драгоценного белого фарфора. Похоже, у этого парня, при всей его показной суровости, оставалась детская слабость к сладостям — раз уж он с бережливостью хранил лакомства в такой дорогой посуде. Задумавшись на мгновение, Шэнь Хуайцзюнь протянул тонкую, с выступающими косточками руку и осторожно перехватил юношу за запястье.

Перед глазами Мо Яньханя мгновенно всплыли воспоминания о том, как его некогда одним ударом меча впечатали обратно в Царство призраков. Перепугавшись, он дёрнулся назад:

— Ты чего удумал?! — и судорожно сжал рукоять кнута на поясе, готовясь к нападению.

Шэнь Хуайцзюнь, хоть и бледный как полотно, лишь мягко улыбнулся. Медленным, неспешным движением он извлёк из пространственного браслета свёрток из промасленной бумаги. Развернув его, он явил миру с десятков аккуратных квадратики в индивидуальных обёртках.

Протянув угощение юноше, он произнёс:

— Пока я не знаю, чем отблагодарить тебя за спасение, так что возьми хотя бы это.

Мо Яньхань вгляделся в болезненный облик лежащего перед ним красавца. Тот дышал с трудом, голос его едва звучал, а тело источилось до предела. Куда уж ему до прежних боевых подвигов — сейчас он и клинка поднять не смог бы.

Осторожно, шаг за шагом подобравшись к кровати, Мо Яньхань вытянул руку, сцапал свёрток и отскочил прочь с прытью испуганного кролика.

Шэнь Хуайцзюнь на миг опешил, а затем, опершись о край ложа, со вздохом качнул головой:

— Совсем ещё ребёнок.

Выскочив во двор, Мо Яньхань поднёс бумагу к носу — от неё густо пахло кунжутом. Развернув обёртку, он обнаружил внутри османтусовые сладости. Отправив одну в рот, он ощутил богатую начинку из пяти видов орехов: измельчённые семечки и грецкие орехи щедро хрустели на зубах, даря нежную сладкую хрусткость. Но главное — это была не обычная людская стряпня: стоило раскусить ореховую сердцевину, как язык обдало чистейшей духовной энергией. Прежде ему не приходилось пробовать ничего подобного.

— А ведь вкусно, — пробормотал он сам себе под нос.

Ненадолго очнувшись, Шэнь Хуайцзюнь вновь провалился в небытие и пришёл в себя лишь к вечеру. К нему вернулись капли сил, однако боль ничуть не утихла.

Воды Пруда Уничтожения Бессмертных таили в себе сокрушительную мощь небесной кары. Небесный гром раздробил его кости и разорвал духовные каналы в щепки; любое, даже самое незначительное движение отзывалось мучительной болью по всему телу, разрушенные меридианы непрестанно терзали натянутые до предела нервы.

Лоб его покрылся обильной холодной испариной. Пальцы с судорожной силой впились в шелковое покрывало, сминая гладкую ткань в уродливый ком, а из уголка губ вскоре просочилась алая капля крови.

Достав из пространственного кошелька флакон, Шэнь Хуайцзюнь извлёк Пилюлю Успокоения Онемения и проглотил её. Когда терзающая меридианы боль немного притихла, он утёр пот платочком и, откинувшись на изголовье, перевёл дух.

Пилюли находились в лазурном флаконе из цветного стекла. Изначально это снадобье предназначалось для начинающих адептов, испытывавших боль при первых уроках фехтования, и он и помыслить не мог, что когда-нибудь сам станет заглатывать столь примитивные снадобья. Впрочем, сейчас у него не оставалось ничего иного.

Сгустился полумрак. За окном высилась раскидистая ива; лунный свет посеребрил её листву, а налетавший ночной ветерок обдавал комнату одиночеством и холодом.

В глубинах Пруда Уничтожения Бессмертных грозовые разряды поведали ему страшную правду: его младшему названому брату Бай Шэну благоволит сама судьба. Любые желания того исполняются сами собой, а поскольку Бай Шэн видит в нём врага, то и собственные ученики Шэнь Хуайцзюня один за другим отвернулись от мастера, отдав свои сердца его недоброжелателю. Сам же Шэнь Хуайцзюнь остался в одиночестве, презираемый всем светом.

«Благоволение небес»... Всё в этом мире складывалось ради ублажения Бай Шэна, подстраиваясь под абсурдный сценарий, где Бай Шэн выступал воплощением добродетели, а Шэнь Хуайцзюнь — низким злодеем.

Гром возвестил, что повесть подошла к концу, и отныне Небесный Закон вершит суд над всякой несправедливостью.

Но Шэнь Хуайцзюнь не понимал: как он, волоча за собой извечную немощь и разрушенную телесную оболочку, сможет вновь стать тем самым Бессмертным господином Шэнем из ордена Цинсяо?

За три века самосовершенствования, усмиряя скверну по всем Девяти Землям, он нажил немало врагов как среди людей, так и среди демонов. Скорее уж его отыщут и растерзают мстители, нежели небесный суд успеет совершить возмездие.

— Впрочем, едва ли им придётся пачкать руки... От такой боли я и сам скоро испущу дух, — прошептал Шэнь Хуайцзюнь.

Голос его угас. Худощавое тело снова сковала судорога, а спина покрылась липким холодным потом.

Пилюли Успокоения Онемения были слишком слабы, чтобы исцелить раны от небесной кары. Не прошло и четверти часа, как раздирающая адская боль вновь обрушилась на его каналы.

Затаившийся в глубине тела хлад, выждав момент, ринулся в атаку. Дыхание Шэнь Хуайцзюня сбилось, к горлу подступила горячая солоноватая волна, но он ценой невероятных усилий сглотнул кровь обратно.

Подавив позыв, он окончательно лишился сил. Ему хотелось сделать хоть глоток воды, чтобы смыть приторный привкус во рту, но, подняв взгляд, он с отчаянием понял, что пиала стоит вне досягаемости.

Всё его тело онемело от непрекращающейся муки. Как он ни пытался вытянуть руку, пальцы лишь беспомощно рассекали воздух.

В соседней комнате Мо Яньхань крутился на ложе, не в силах сомкнуть глаз. Возле его подушки покоился чёрный камень — средство связи с Царством призраков.

Совсем недавно Бошэ через этот камень держал перед ним ответ и в конце преданно поинтересовался: «Владыка, как вы поступили с Шэнь Хуайцзюнем? Отлегло ли у вас на сердце?»

Мо Яньхань не обронил ни слова и просто прервал связь.

Хоть Шэнь Хуайцзюнь и оказался в его руках, долгожданного облегчения это не принесло. Напротив, в груди закипала глухая злоба, не дававшая покоя и заставлявшая его метаться по постели.

Едва он прикрыл глаза, погружаясь в дрему, как за стеной раздался тихий кашель. Можно было не сомневаться — очнулся Шэнь Хуайцзюнь. Хладный яд, порождённый буранами Утёса Раскаяния, невозможно укротить какой-то шепоткой снадобья.

— Ну очнулся и очнулся, эка невидаль, — буркнул Мо Яньхань. — С его-то полуживой тушкой он мне всё равно не соперник.

Однако вслед за этим послышался глухой, полный муки стон. В ночной тишине этот звук прозвучал невероятно отчётливо, а учитывая обострённый слух Владыки призраков, каждое сдавленное рыдание отзывалось у него в ушах, путая и сбивая мысли.

Похоже, пленнику стало только хуже. Когда-то Шэнь Хуайцзюнь слыл непревзойдённым мечником под луной, Первым бессмертным господином из ордена Цинсяо и личным учеником Бессмертного почтенного Линсю. Человек сокрушительной силы и несокрушимой воли теперь корчился от боли, не в силах сдержать стонов.

Из-за стены снова донеслось сиплое, надрывное покашливание.

— Как же раздражает! — процедил Мо Яньхань. — Будет ещё кашлять — придушу.

Но в груди внезапно заскреблось неясное беспокойство. Какая-то неведомая сила заставляла его подскочить и броситься к больному, хотя разум велел оставаться на месте.

Вдруг раздался звонкий треск — что-то фарфоровое с грохотом разлетелось вдребезги. Мо Яньхань подорвался с кровати и вихрем ворвался в соседний покой.

Комнату заливал холодный лунный свет.

Шэнь Хуайцзюнь лежал в одном тонком исподнем, озарённый серебристым сиянием. Его длинные волосы живописным водопадом рассыпались по плечам. Он отчаянно тянулся рукой к столику, пытаясь достать пиалу.

На полу лежали черепки — видимо, пальцы не удержали сосуд, и тот разбился.

Тонкая, изнурённая рука бессильно свесилась с края ложа. Шэнь Хуайцзюнь судорожно пытался приподняться, но его сотрясал непрерывный кашель, а исхудавшая спина ходила ходуном.

Мо Яньхань, не задумываясь, подскочил к кровати и бережно подхватил угасающего мужчину под спину. Однако, глянув на его лицо, замер как вкопанный.

Лицо больного побледнело до синевы, точно у призрака, лоб покрылся ледяной росой, а потрескавшиеся губы алели от свежей крови. От его тела веяло истинно загробным холодом — даже под тёплым плащом не ощущалось ни капли живого тепла.

Казалось, перед ним лежал мертвец, в котором каким-то чудом всё ещё теплилась жизнь.

Мо Яньхань усадил его, опирая на мягкие подушки, тщательно укутал плащом и метнулся к кувшину. Налитый в пиалу ледяной напиток мгновенно стал приятного тепла; извлекая сочную

зелёную веточку, юноша быстро помешал ей воду.

— На, пей, — пробормотал он, поднося пиалу к губам Шэнь Хуайцзюня.

Шэнь Хуайцзюнь веки не размыкал, находясь в полузабытьи. Когда ему в рот попала первая капля, пробирающая стужа внутри тут же отступила, словно по волшебству.

Вскоре благотворное тепло разлилось по всем каналам, дойдя до самых кончиков пальцев. Лицо Шэнь Хуайцзюня тронул лёгкий румянец, сведённые судорогой мышцы обмякли, и он с тихим наслаждением прижался щекой к мягким перьям плаща, точно засыпающий котёнок.

Мо Яньхань молча наблюдал за этими изменениями, как вдруг до его слуха донёсся тонкий, едва уловимый аромат свежего бамбука.

Поговаривали, что Шэнь Хуайцзюнь обрёл постижение меча в бамбуковой роще. И этот благородный запах... был естественным ароматом его тела.

«Смысл какой-то чуши...» — подумал Мо Яньхань и мгновенно выпрямился, приняв подчёркнуто благочестивую позу, коей позавидовал бы сам патриарх даосизма.

— Ты... — Шэнь Хуайцзюнь начал приходить в себя. Почувствовав подле себя живое присутствие и вспомнив теплоту целебной воды, он, не открывая глаз, прошептал: — Благодарю тебя.

Мо Яньхань едва слышно угукнул.

— Я тебя разбудил? Ступай отдыхать, со мной уже всё в порядке, — сдавленно произнёс Шэнь Хуайцзюнь; сорванный голос всё ещё звучал сипло.

Мо Яньхань не проронил ни слова, лишь неотрывно смотрел на лежащего перед ним человека тёмными, точно ночные звёзды, глазами. Полночь вступала в свои права, лунные лучи медленно скользили по полу. Он молча следил за тем, как обессиленный красавец прикрыл веки и, убаюканный свалившимся покоем, наконец погрузился в глубокий сон.

И в груди Мо Яньханя тоже улеглось смятение. Тревоги отступили, уступив место умиротворению, словно его мятежный дух обрёл долгожданную тихую гавань.

Он осторожно протянул руку, подхватил край плаща и аккуратно подоткнул его к белоснежной шее больного. Ночной воздух нёс сырость, а эта хрупкая оболочка не перенесла бы и малейшего сквозняка.

Мо Яньхань поднялся, намереваясь затворить ставни, как вдруг из-за двери донёслось

изумлённое аханье. Обернувшись, он обнаружил коренастого, темнокожего заклинателя-призрака, который в онемении зажимал рот руками.

Смерив Бошэ свирепым взглядом, Мо Яньхань бесшумно выскользнул из покоя и вышел во двор.

Бошэ торопливо поднёс ему сноп сочных зелёных стеблей. Едва Владыка принял их, подчинённый с нетерпением высказался:

— Владыка! Зачем вы возитесь с этим Шэнь Хуайцзюнем?! Неужто он смеет шантажировать вас тем белым нефритом?!

Мо Яньхань прикоснулся к полупрозрачному призрачному ошейнику на своей шее — его свечение было неразрывно связано с жизненной силой Шэнь Хуайцзюня. Он лишь прищурился и ничего не ответил.

Бошэ недоуменно разинул рот. Вспомнив про оставленную в покое пиалу и глянув на принесённые стебли, он ошеломлённо ахнул:

— Трава Висящего Инея из нашего Царства призраков?! Вы израсходовали её на Шэнь Хуайцзюня?!

В Царстве призраков царила вечная ночь, и тамошняя флора окрашивалась лишь в мрачные чёрные да фиолетовые оттенки. Трава Висящего Инея являлась единственным живым изумрудным чудом тех земель — священным растением, способным умножать духовную силу, исцелять любые яды и служить основой для смертоносного оружия. В мире смертных её нарекли «Травой Повелителя Призраков».

Мо Яньхань неторопливо перебирал стебли, отбирая самые свежие листочки:

— Что, недоволен?

Бошэ судорожно замахал руками:

— Что вы, что вы! Владыка волен распоряжаться священной травой как пожелает! Я немедленно отправлюсь в горы и отыщу самые свежие побеги, у них целебная сила куда выше!

— Однако...

Он млел от нерешительности, но в конце концов превозмог страх и спросил:

— Вы более не намерены лишать Шэнь Хуайцзюня жизни?

Мо Яньхань изгибом брови встретил этот вопрос:

— С чего бы это?

— А?.. — окончательно сбился с толку Бошэ.

Мо Яньхань вскинул взор к ясной луне и после долгой паузы небрежно произнёс:

— Нынче он слаб хуже обычного смертного, прикончить его — проще простого. Не напои я его сегодня водой со снадобьем из Травы Висящего Инея, он бы и сам сдох от боли.

И это... совершенно скучно.

— Какая радость забить до смерти такого заморыша? Расскажешь кому — засмеют. Куда забавнее сначала откормить его как следует, а уж потом прижать к ложу и сожрать кусок за кусочком.

В глазах Мо Яньханя вспыхнул азартный огонёк, яркий, точно звезда в бездонном ночном небе.

— Вот это будет поистине царское пиршество...

<http://bllate.org/book/20545/2106342>